

В. С. МЯСНИКОВ

Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций *

Отношения России с государствами Восточной Азии, в частности с Китаем, были и остаются формой межцивилизационного контакта. Для России Китай — не просто соседнее государство. Он представляет собой крупнейшую из сопредельных восточноазиатских цивилизаций: его северные рубежи, как и дальневосточные и южносибирские районы России, являются контактными зонами межцивилизационного общения¹. Поэтому отношения России и Китая несут на себе отпечаток этнокультурных связей. Это выражается различием их представлений о политических координатах мира, ценностных приоритетов, например в отношении к правам человека, оценок тенденций в развитии международной жизни, в частности противоречий в мировом сообществе.

Конфуцианские ценности, родившиеся в Китае, сыграли не последнюю роль в динамичном развитии не только Японии, но и Тайваня и Южной Кореи. Не девальвировались они и в странах Юго-Восточной Азии, особенно в Сингапуре. На родине Конфуция отчетливо понимают это и бережно культивируют не только пиетет по отношению к имени великого философа, но и те реальные, дошедшие через века традиции, которые определяют жизнестойкость китайской цивилизации. Это поддерживает преэманентность господствующих тенденций в отношениях Китая с Россией.

Сложившиеся традиционные нормы реализации внешней политики России и Китая будут определять характер их взаимодействия на международной арене в конце XX и начале XXI столетия. Размеры двух стран таковы, что модели их развития и внешнеполитического поведения влияют на всемирно-исторический процесс. В свою очередь, анализ крупных перемен, происходящих в демократической России и в новом Китае, невозможен без достаточно четкого осознания того, каковы принципы взаимодействия восточноазиатского цивилизационного комплекса с евразийским. Это особенно важно, если мы хотим понять долгосрочные перспективы тех внешнеполитических процессов, истоки которых только начинают обозначаться в наши дни.

Начало взаимодействию двух мощных мировых цивилизаций — российской и китайской — было положено лишь на рубеже XVI—XVII веков. В ходе более чем 300-летней истории связей России с Китаем на огромном не только временном, но

* Статья подготовлена в рамках проекта «Россия и Восток: цивилизационные отношения», получившего поддержку Российского гуманитарного научного фонда.

Русская наука поставила эту проблему еще в начале нашего столетия [1].

Мясников Владимир Степанович — член-корреспондент РАН, заместитель директора института Дальнего Востока РАН.

и пространственном отрезке (от Тихого океана до Памира) происходила определенная модификация взаимодействующих цивилизаций, что во много меняло характер этих отношений.

Политическая культура России в значительной степени основывалась на нормах европейской традиции, предполагающей равенство всех суверенных государств и стремившейся строить, главным образом, *горизонтальные* связи между равными государствами. В рассматриваемый исторический период (XVII—XIX века) Россия и Китай были феодальными державами, вполне сопоставимыми по основным политическим, экономическим и культурным параметрам. Поэтому их взаимодействие в политической области рассматривалось с русской стороны как контакт равноправных субъектов международных отношений [2].

В основе политической культуры Китая лежали конфуцианские принципы политической иерархии и китаецентристские представления об окружающем мире. Китайская политическая культура практически исключала равенство в отношениях Китая с любой другой страной. Китай стремился выстроить все свои международные связи строго по *вертикали* — от высшего к низшему [3]. Таким образом, при установлении отношений двух стран естественно сложилась своеобразная двойная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную — китайские. В результате взаимодействие сторон приобретало особую направленность, вектор развития, в котором своеобразно соединились элементы того и другого подхода. Эта векторная линия складывалась и под влиянием третьих сил, ибо взаимодействие России с Китаем на протяжении длительного периода осуществлялось при активном участии соседних народов-медиаторов.

На начальной стадии взаимоотношений Русского государства с Китаем их владения не соприкасались. Между ними пролегал обширная (от нескольких сот до нескольких тысяч километров шириной и многие тысячи километров протяженностью) контактная зона, населенная народами, находившимися на стадии разложения общинно-родового строя или на различных стадиях развития кочевого феодализма. В процесс становления отношений России с Китаем были вовлечены монголы, маньчжуры, уйгуры, казахи, киргизы, малые народы, населяющие берега Амура и Приморье. Эти народы на протяжении многих веков обитали на периферии китайской цивилизации и имели собственный богатый опыт взаимодействия с ней. То, что Русское государство первоначально вступило в контакты с народами этой зоны, помогало ему воспринять и адаптировать их опыт связей с Китаем. Особенно большую роль сыграли связи Русского государства с ханствами Западной и Северной Монголии. Здесь черпались первые сведения о «Китайском царстве», здесь русские получали разрешение на проезд в Китай и, наконец, монгольский язык был длительное время средством дипломатического общения. Накапливавшийся таким образом опыт облегчил русским восприятие реалий китайской цивилизации.

Русское государство приобрело к тому времени длительный опыт общения с мусульманским миром. В отношении Китая русские дипломаты XVII—XVIII веков пытались использовать готовые стереотипы, взятые из арсенала посольских контактов с Ираном и Индией.

Что касается Китая, его подход к русским определял опыт сношений с другими «северными народами», населявшими Сибирь и Дальний Восток. Необходимо учитывать, что первые встречи с русскими состоялись именно в контактной зоне. Лишь после целого столетия взаимного знакомства и взаимосвязей этот подход несколько модифицировался, и русских стали отличать от кочевников и охотников сибирской тайги.

Взаимодействие России и Китая распространялось на политическую, экономическую и культурную сферы. В каждой из этих сфер проявлялись этнокультурные особенности и своеобразие цивилизаций, представителями которых выступали оба государства.

К моменту установления связей с Русским государством Китай был мощной феодальной империей, доминировавшей на огромных просторах Восточной Азии. Тысячелетняя культурная традиция сформировала этнос, достаточно устойчивый по отношению к внешним воздействиям — будь то завоевания, культурные или религиозные вторжения, миграционные волны. В середине XVII века Китай был захвачен завоевателями маньчжурами, создавшими на его основе мощную многонациональную азиатскую деспотию — империю Цин. Маньчжурские правители Китая строили международные связи своей державы на основе идеологических постулатов и практических методов, выработанных китайской цивилизацией в ходе взаимоотношений с «варварами четырех сторон света», как в Китае называл и чужеземцев [4].

Стремясь поддерживать добрососедские отношения с империей Цин, Россия на протяжении двух с половиной столетий (до середины XIX века) направила в Китай свыше 18 дипломатических миссий различных уровней — от дипломатических агентов до великих и полномочных послов в ранге министра. Из этих дипломатических контактов лишь один принес несомненный успех русской стороне — посольство С. Владиславича-Рагузинского [5], заключившего в 1727 году Кяхтинский трактат. Подписанный за 30 лет до этого Нерчинский договор, наоборот, был крупным поражением России на Дальнем Востоке, так как лишил ее значительных территорий в Приамурье и фактически блокировал широкий выход к Тихому океану. Нерчинское соглашение, как отмечал один из британских специалистов по международному праву, формально являлось не «договором», а вообще *мандатом* китайского императора, который всех королей в мире считал своими подданными или вассалами [6]. Условия Нерчинского договора удалось полностью пересмотреть лишь к середине XIX века.

В ответ на дипломатическую активность России Цинская империя направила в русские пределы четыре миссии: одну в XVII веке и три в XVIII веке. Лишь две миссии посетили столичные центры России, сделав это попутно, так как их главной целью было поддержание связей с волжскими калмыками. Налицо был явный дисбаланс политических усилий сторон.

Видели ли русские это нарушение паритетности в отношениях? Ощущали ли они свои неудачи в политических связях с Китаем? Разумеется, да. Как же объяснялись неудачи? Документы XVII, XVIII и первой половины XIX века часто содержат упреки в адрес китайских властей в «консерватизме», «упрямстве», даже «коварстве» и «невежестве». Такой подход нашел отражение не только в официальных документах, но и в историографии. Но дипломаты и историки рассматривали русско-китайские отношения в рамках двусторонних межгосударственных связей, оценки действий китайской стороны основывались на критериях европейского права и обычаев.

Лишь после того как научное востоковедение раскрыло своеобразие китайской цивилизации, специалисты начали менять свои оценки. Известный правовед Ф. Мартенс пришел к выводу, что «текст или слова трактатов обыкновенно понимались совершенно одинаково как Россией, так и Китаем, исключая случаи ошибок в переводе. Но дух этих международных актов был понимаем различно двумя правительствами по той простой причине, что их нравственные и юридические понятия о международных отношениях были существенно противоположны» [7]. Так была поставлена проблема влияния цивилизационных особенностей на отношения двух государств.

Почему же потребовалось столь длительное время, чтобы прийти к осознанию межцивилизационных различий? Дело в том, что адекватному восприятию этого феномена мешало типологическое сходство форм государственности и организации общественной жизни, т. е. *формационное* подобие. Классовые структуры обеих империй были практически одинаковы, сходны были и органы управления, исторические прецеденты не вызывали каких-либо особых толкований, религиозные же различия были обычными и в рамках одной цивилизации. Не случайно, что даже такой знаток Китая, как Н. Бичурин, *идеализировал*

имперский порядок в Китае, за что и был раскритикован В. Белинским. Идеологические доктрины и методы их реализации, определявшие сущность внешней политики Китая, отличавшие ее от политики других азиатских государств, были длительное время скрыты от иностранцев.

По-иному складывалась китайская линия отношений с Россией. После первых контактов, происшедших в Приамурье в середине XVII века, русские получили наименование «лоча» (транслитерация санскритского слова «ракша» — «демоны, преследующие людей»). Это объяснялось не только тем, что маньчжуры потерпели ряд поражений от казаков-землепроходцев, но и традицией, в соответствии с которой всем «варварам четырех сторон света» присваивались какие-либо *уничжительные* названия. Такая традиция была связана с представлением китайцев о своей стране и ее соседях как о центре мира и его периферии. Китай — цивилизованный центр земли, вокруг которого расположена «варварская» периферия.

Китаецентристская модель мира в международных отношениях Китая, как уже отмечалось, преломлялась в вертикальную структуру связей. Практически это сводилось к стремлению придать всем государствам, вступавшим в контакты с Китаем, статус вассалов империи. Своеобразная данническая система действовала на протяжении тысячелетий, имела хорошо разработанные институты и практически не знала исключений. Ведение связей «на равных» представляло редкие эпизоды в многовековой истории Китая [8].

Не стала исключением в этом отношении и Россия. С момента первых контактов русской стороне было предложено «вносить дань» и признать верховенство китайского императора над «чахан-ханом» — «белым ханом», как именовали в Пекине русских царей. Имперская внешняя политика была нацелена на «приобщение варваров» к китайской цивилизации. Этому служили такие атрибуты даннической системы, как инвеститура (передача недвижимости, символически закреплявшая вассальные отношения), принятие китайского календаря и целый ряд других мер по привлечению «варваров» на сторону империи. Весьма эффективной считалась теория «гуманного» обращения «варваров» в «цивилизованных» и лояльных империи соседей, разработанная мыслителем Цзя И еще в эпоху династии Хань (III век до н. э.— III век н. э.). Она была сформулирована как «сань бяо у эр» — «три нормы и пять прельщений» [5, с. 645, 646]. Согласно этой теории, император должен был поддерживать доверие «варварских» правителей дружественными словами, внушать, что он действительно любит их уродливые «варварские» лица, восхищаться их низкой «варварской» культурой. Пять «прельщений» предполагали: одаривание «варваров» одеждой и обеспечение доставки послов на территорию империи; снабжение хорошей пищей, организацию специальных представлений с музыкой, танцами, женским вниманием; предоставление послам жилых зданий и провианта в столице империи; оказание им всяческих знаков императорского расположения и личного внимания с тем, чтобы, воздействуя на чувства, победить их сердца.

Система «гуманного обращения» не исключала активного применения силы, а также стратегической дипломатии, нацеленной на то, чтобы не допустить политического усиления соседних государств, разрушать их возможные союзы и предотвращать тем самым их вторжения на имперскую территорию.

Россия как партнер Китая по международным отношениям столкнулась со всеми упомянутыми формами воздействия на нее китайской цивилизации и представлявшего ее государства — империи Цин. Русская дипломатия категорически отвергла попытки навязать своей стране статус «вассала» империи Цин. Лишь после визитов цинских посольств в Россию в XVIII столетии в Пекине осознали параметры и реальную мощь соседнего государства. В дальнейшем на взаимоотношениях двух стран сказывалась неравномерность их экономического развития.

Такая неравномерность наблюдалась на всех этапах истории. Для России в ее отношениях с Азией эта проблема возникла еще в XIII веке, в период первого широкомасштабного столкновения образовавшихся на месте Киевской Руси княжеств с азиатским кочевым миром. Победа была на стороне кочевников. Более развитая, но политически разобщенная Русь пала. Дальнейшее формирование ее самобытной культуры было насильственно заторможено и деформировано за счет введения в нее азиатских компонентов. Так было положено начало российскому евразийству.

Стратегия самосохранения и самоусиления, принятая русской правящей элитой в те годы, привела к тому, что в XIV веке Русь консолидируется и выходит на европейскую международную арену в качестве равноправного партнера. Русское государство, вступив в XVII столетии в дипломатические связи с великими государствами Азии — Турцией, Ираном, Индией, Китаем, — боролось за равенство в дипломатических отношениях. Идея такого равенства была основана не только на христианской морали, но и на реальном соотношении сил, в первую очередь тех, которые до сих пор определяют комплексную мощь государства: экономическое развитие, научные знания, единство нации, искусная дипломатия. В XVIII веке Россия, модифицированная реформами Петра Великого, делает цивилизационный рывок и, опираясь на европейский технологический и государственный опыт, обгоняет своих азиатских партнеров. Однако стратегия ее национального и государственного развития не включала приоритеты становления демократических институтов и рыночного капиталистического хозяйства, как это было в Англии или Голландии. Затянувшаяся опора абсолютистской монархии на дворянство, сохранение крепостного права и прочие атрибуты феодализма тормозили развитие России.

Этим пользовались китайские дипломаты. Кяхтинский договор 1727 года фиксировал равноправные отношения двух империй. Тем не менее до середины XIX века в Пекине рассматривали связи с Россией как отношения с одним из «подчинившихся» соседей. Такой интерпретации способствовали и успехи Цинской империи в ее борьбе с другими северными соседями: Монголией, Джунгарским ханством, Восточным Туркестаном, Тибетом.

Институционально дипломатия «от высшего к низшему» оформлялась путем специфических приемов. Например, за сношения с Россией отвечало китайское ведомство по управлению вассалами, которое одновременно заведовало делами по управлению Монголией, Кукуном и мусульманскими княжествами в Западном Китае. Соответственно нормам общения с этими странами оформлялась и переписка между Россией и Китаем. В царствование Екатерины II «листы», приходившие из Китая, содержали столько грубостей, что Сенат принял специальное постановление не отвечать на них. В большинстве случаев русская сторона стремилась не замечать эти «мелочи» ради сохранения добрососедских отношений и поддержания торговли.

Это была единственно разумная политика. Тем не менее она не приводила к сглаживанию противоречий, причем именно не политического, а этнокультурного, цивилизационного уровня. Именно эти факторы сыграли решающую роль в провале первой попытки России заявить о себе как о великой азиатско-тихоокеанской державе в первом десятилетии XIX века. Приступив к реформам, правительство Александра I попыталось установить систему русской торговли от Аляски до Кабула через Японию и Китай. Связанные с этим планы и проекты должно было осуществить посольство Ю. Головкина (1803—1806), которое, однако, не смогло проехать далее Урги, так как китайцы ему навязывали церемонии, рассчитанные на то, чтобы создать и закрепить представление о привозе им «дани» «вассального» государства. Степень взаимопонимания на уровне дипломатических представителей двух стран можно проиллюстрировать документами того времени.

В 1807 году помощник пристава Русской духовной миссии М. Попов, сопровождавший ее в Пекин, писал в Министерство иностранных дел: «Долгом поставляю присовокупить, что во все время пребывания нашего в пределах соседственного Китайского государства можно было не только чувствовать, но видеть на самом опыте, что мы находились между лучшими приятелями... Словом сказать: находясь между мунгалами, китайцами и маньчжурами, довольны были все до одного дружественными обращениями, пособиями во многих случаях, особливо во время проезда, и лестными уверениями имевших частное свидание с нами, что россияне предпочитают от них всем прочим народам, искавшим сближения с ними» [9]. Здесь мы видим, сколь эффективно действовала система «сань бяо у эр».

Реальная картина отношения к русским рисуется в донесении императору высших цинских чиновников в Урге, которое датируется этим же временем. «По мнению ваших ничтожных слуг,— писали они,— русские — это некий бедный народ, мелочный по своей натуре, низшие и высшие классы которого совершенно не знают законов (т. е. это «варвары», которые не знают законов Цинской империи.— *В. М.*); русские люди хитры и коварны и пекутся лишь о собственной корысти. Мало кто в их государстве умеет ездить верхом, мужчины не знакомы с луком и стрелами, а стреляют из ружей; и обрабатывают поля они хуже, чем китайцы. Что касается характера русских, то они беспорядочно едят и пьют, весьма пристрастны к водке, вину и нарядам, любят высокие должности и титулы. И хотя в настоящее время эти висельники не смогут затеять какое-либо вздорное дело, мы, ваши ничтожные слуги, во исполнение недавно изданного высочайшего указа, отправили на все пограничные караулы секретный приказ о соблюдении всевозможных мер предосторожности и представим императору новый доклад»

Исследователями отмечается существенное различие приоритетов во внешней политике России и Китая. Китай во главу угла ставил политические интересы, Россия стремилась обеспечить устойчивые экономические связи с Цинской империей. Но в этой сфере действовали специфические факторы межцивилизационного контакта. В цинском Китае сложился арендно-бюрократический вариант феодализма, при котором эксплуатация крестьян велась как посредством аренды, так и путем взыскания с них фискально-бюрократическими методами ренты-налога в пользу государства. Заинтересованность страны в товарном обмене практически отсутствовала. Торговля считалась «низким» делом. Для ее ведения была организована система рынков на границах империи, где разрешалось торговать с «варварами». Допускалось также прибытие торговых караванов в Пекин. Численность их персонала была установлена в 200 человек. Внешнеэкономические контакты в условиях этой системы рассматривались как милость для сопредельных народов, как форма, в которой те могли получать дары китайской цивилизации. «Чужеземные варвары испытывают чувство благодарности за высочайшую гуманность, позволяющую им получать выгоду от торговли без ущемления в правах по сравнению с людьми из внутренних земель (т. е. Внутреннего, Застенного Китая.— *В. М.*)»,— докладывал императору главный управляющий морской таможни провинции Гуандун в декабре 1805 года в связи с прибытием в Гуанчжоу русских кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием И. Крузенштерна и Ю. Лисянского [11].

Вместе с тем торговля была эффективным орудием китайского двора в контактах с иностранцами, так как позволяла имперской элите «руководить» «варварами», используя их стремление к получению прибыли. Крупный сановник Ци Ин докладывал императору Даогуану: «Торговля жизненно необходима для иностранных государств. Поэтому искусство императорского двора при осуществлении руководства, направленного на сдерживание этих государств, состоит в том, чтобы ко всему относиться беспристрастно и, не применяя жестоких мер, сохранять основные принципы, насколько это возможно» [12].

Все эти подходы и узаконения распространялись и на русско-китайские отношения. Цинское правительство умело эксплуатировало заинтересованность рус-

ской стороны в торгово-экономических связях. Добиваясь политических целей, оно вводило запреты на торговлю с Россией. Например, в XVIII веке таких запретов, действовавших иногда в течение многих лет, было одиннадцать. Таким образом, в экономической и в политической областях русская сторона постоянно находилась в положении преодолевающего препятствия.

Фактически равенство в отношениях было признано с цинской стороны (и то относительно) лишь в середине XIX века после поражения империи в борьбе с западными державами — Англией, Францией, США. Эти державы путем колониальных войн начали вовлекать Китай в мировые политические и хозяйственные связи. В России многие политические деятели того времени рассматривали оба государства (Россию и Китай) как естественных союзников в противостоянии натиску капиталистических держав Запада.

Сближение между Россией и Китаем предопределило мирное решение остававшихся вопросов размежевания ничейных территорий и установление договорного режима на смежных границах. В 1858 году был заключен Айгунский договор, зафиксировавший русско-китайскую границу по реке Амур, а в 1860 году Пекинский дополнительный договор, определявший последний участок дальневосточной русско-китайской границы — от устья реки Уссури до моря (на 20 китайских ли выше впадения реки Тумынцзян в море). На основе Пекинского договора в 1864 году был заключен Чугучакский протокол, установивший русско-китайскую границу в Центральной и Средней Азии. Окончательное оформление границы на западном участке было произведено Санкт-Петербургским договором 1881 года. Когда японское правительство предъявило Китаю, потерпевшему поражение в войне с Японией (1894—1895), тягостные условия, выступление России против чрезмерных притязаний Японии принудило последнюю отказаться от идеи отчуждения территории Южной Маньчжурии. В отношениях между Россией и Китаем сложилась благоприятная ситуация, и в 1896 году был подписан Союзный договор.

Огромную роль в размывании этнокультурного барьера в конце XIX — начале XX века сыграли взаимные волны эмиграции. Сотни тысяч китайцев в России и миллионы русских в Китае привели в действие механизм сближения народов двух стран. Познание друг друга скреплялось совместным трудом и общей бедностью, ностальгией по Отечеству и стремлением принести в его культуру все лучшее, что было почерпнуто в соседней стране. Превращение Китая во второй половине XIX века в полуфеодальную, полуколониальную страну уменьшило влияние этнокультурных факторов на его внешнюю политику. В этот период формационные факторы развития стали действовать заметнее, чем цивилизационные. (Здесь, как и ранее, я исхожу из того, что цивилизационный и формационный подходы в анализе истории международных отношений должны не противопоставляться, а дополнять друг друга, делая исследование более многомерным.).

Проблема неравномерности развития вновь встала перед Россией в начале XX века, когда Япония, усвоившая европейский опыт, нанесла ей поражение в войне 1904—1905 годов. Россия отставала к этому времени и от европейских, и от некоторых азиатских государств. Только гигантское напряжение сил русского народа и других народов СССР вновь вывело ее к середине XX века в ряды передовых держав. В 60—80-е годы вторая держава мира по совокупной политической и экономической мощи соперничала с США по многим показателям.

К началу 90-х годов восточноазиатские соседи России — Япония и Китай — вновь стали обгонять ее в своем развитии. Это один из важнейших факторов,

определяющих перспективы российско-китайских отношений в целом и преодоления этнокультурных барьеров между ними в частности. В период с 1985 до 2000 года (даже при самых благоприятных для России оценках) соотношение годового объема производства ВВП в обоих государствах может измениться с 2: 1 в пользу России до 1 : 0,75 в пользу Китая. Модель внешней открытости Китая предполагает эволюционно-очаговый тип интеграции страны в мировое хозяйство. Превращение Восточного и Южного Китая (с населением более 200 млн человек и площадью 320 тыс. кв. км) в «новоиндустриальную» экономическую зону, распространение «открытого» режима на приграничные с СНГ и Монголией провинции и автономные районы и создание «северного пояса открытости» призваны вывести КНР на новый уровень экономического развития.

Вхождение Китая в число экономических гигантов служит и его стратегия экономической интеграции, осуществление проекта «Большого Китая» (объединение экономик КНР, Гонконга, Тайваня, возможно, Сингапура), подкрепленное усилением и без того тесных связей с китайской «заморской» эмиграцией. Создание «китайского экономического пространства» означает объединение ВВП КНР (360 млрд американских долл.), Тайваня (165 млрд), Гонконга (56 млрд), Сингапура (65 млрд) с миллиардами, принадлежащими «хуацяо» — китайским эмигрантам. Нетрудно заметить, что интеграция в данном случае зиждется не только на экономическом расчете, но и на цивилизационной основе.

В современный период потребности экономического развития России и Китая императивно требуют межцивилизационного взаимопонимания и взаимодействия. После нормализации в 1989 году отношения двух государств развиваются успешно в политической, экономической и военной областях. При этом экономические связи составляют прочную основу российско-китайских межгосударственных отношений.

Пекинская Декларация (декабрь 1992 года) сформулировала основные принципы взаимоотношений двух соседних великих государств. Позитивный характер перспектив в отношениях между государствами, а соответственно, и продолжение процесса межцивилизационного взаимодействия, по мнению китайских политологов, определяются тем, что:

— стороны желают развивать добрососедские отношения, а также экономические отношения на взаимовыгодной основе;

— имеются благоприятные условия для развития добрососедства и сотрудничества, основанных на традиционной дружбе двух народов. Важную роль играет и взаимодополняемость экономик двух стран;

— в соглашении об основах взаимоотношений подчеркнуты дружба и взаимное уважение территориального суверенитета и других прав, совпадающих с пятью принципами мирного сосуществования, в том числе право народа самому выбирать пути внутреннего развития;

— существуют сходство или близость взглядов на международные проблемы, а также отказ от притязаний на гегемонию. Обе стороны выступают против силовой политики, положительно относятся к многостороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заинтересованы в сохранении мира и процветании государств Средней Азии. Являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН, они укрепляют консультационный процесс при решении важных международных проблем [13].

Разумеется, между двумя странами могут возникать проблемы и различия во взглядах. Но важно поступательное развитие отношений двух стран в направлении добрососедства. Дожди и ветры конфронтации помогли приобрести опыт урегулирования международных отношений. Строятся отношения нового типа, которые должны привести не к модели, которая имела место в 60—70-е годы, а к тесному сотрудничеству, которым характеризовались 50-е годы.

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые факторы, которые могут осложнять межэтническое взаимопонимание. На территории России появилось значительное количество китайских граждан (по некоторым оценкам, до 2 млн

человек), и в Китае можно встретить большое число русских, но, как правило, все они представители мелкого бизнеса, а порой даже и криминальные элементы. Массовый контакт на таком уровне не способствует межцивилизационной конвергенции, поскольку представители обеих стран в данном случае носители самого низкого уровня культуры. К тому же род их деятельности не приводит к духовно-му сближению, поскольку основан лишь на меркантильном расчете.

И в России, и в Китае идет ознакомление с культурными достижениями двух народов, с их духовными ценностями, характеризующими цивилизационную принадлежность. Но эта функция выполняется специалистами-страноведами и отчасти средствами массовой информации. Целенаправленной работы по духовно-му сближению двух народов, однако, не проводится.

Национальные и государственные интересы России и Китая не противоречат друг другу. Это подтверждается почти 400-летним опытом истории взаимодействия двух стран. Однако в массовом сознании китайского народа сохраняются негативные стереотипы России и русских. Это связано с представлениями о том, что Россия по русско-китайским договорам приобрела ряд территорий, которые Китай мог бы рассматривать в качестве утраченных. Так, на проходившей в конце января 1994 года конференции Института Дальнего Востока РАН и Китайского института современных международных отношений заместитель заведующего сектором исследований мировой ситуации Чжан Бучжэнь заявил, что Россия благодаря трем известным договорам о дружбе присоединила 3 млн кв. км китайской территории [14]. Конечно, без устранения такого рода стереотипов трудно говорить о возможности долгосрочного добрососедства в контактной зоне двух цивилизаций.

Тем не менее вряд ли можно согласиться с точкой зрения американского политолога С. Хантингтона, который полагает, что межцивилизационные «разломы» станут линиями будущих фронтов. В наше время помимо региональных цивилизаций, связанных с теми или иными культурно-историческими системами, все большее значение приобретают глобальные цивилизационные связи, основанные на новейших технологических и культурных достижениях, обуславливающие взаимодействие в рамках всего мирового сообщества и создающие предпосылки для построения ненасильственного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яценко А. С. Роль России в сближении Востока и Запада. Казань, 1912.
2. Мясников В. С. Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки и современность. М., 1993.
3. The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Cambridge, 1968.
4. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987.
5. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. II. М., 1990.
6. The Treaty of Nerchinsk // Law Quarterly Review. 1928. № 44.
7. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. СПб., 1881. С. 34.
8. China among Equals. The Middle Kingdom and its Neighbors. X—XIVth Centuries. Berkeley, 1983.
9. Внешняя политика России в XIX веке. Документы и материалы. Т. IV. М., 1968. С. 642.
10. См. Центральный государственный архив Монгольской Народной Республики. Фонд М—1.
11. Воскресенский А. Д. Китайские хроники о пребывании И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского в Гуанчжоу // И не распалась связь времен. М., 1993. С. 152.
12. Банномасатака. Киндай Тюгоку чайкоси кэнкю (Исследование истории дипломатии Китая в Новое время). Токио, 1970. С. 51.
13. Синь дай гоузи гуаньси. 1993. № 1.
14. Сборник докладов конференции Института Дальнего Востока РАН и Китайского института современных международных отношений. М., 1994.